

с 5727
переселенцев
Сибирь

О переселеніи.

(Напечатано съ разрѣшенія господина Лифляндскаго Губернатора Генераль-Маіора

В. Д. Суровцова, даннаго 10 января 1897 г.)

(Trükitud Siivimaa kubernereri herra kindral-majori **W. D. Surowtšowi**

loaga, antud 10 Januaril 1897).

Въ официальномъ изданіи „Сельскій Вѣстникъ“, издаваемомъ редакціей „Правительственнаго Вѣстника“ и бесплатно разсылаемомъ по всѣмъ волостнымъ правленіямъ, въ 1896 году помѣщенъ рядъ сообщеній относительно переселенія земледѣльцевъ въ Сибирь, на Амуръ и въ другія отдаленныя мѣстности Россійской имперіи на казенныя земли. Всѣ эти сообщенія изображаютъ тяжелое положеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и ихъ обманутыя ожиданія. Примѣромъ такихъ сообщеній могутъ служить слѣдующія выдержки изъ статей „Сельскаго Вѣстника“.

Изъ письма, помѣщеннаго въ № 25:

Въ запрошломъ 1894 году стали наши крестьяне ходатайствовать передъ Правительствомъ о переселеніи ихъ въ Сибирь, на казенныя земли. Въ 1895 году Правительство переселеніе имъ разрѣшило, но вышло отъ этого переселенія одно только разореніе. А отчего именно? Отъ собственной ихъ глупости и непониманія. Что имъ ни говорили противъ переселенія понимающіе люди, — они ничему не вѣрили.

О положеніи этихъ переселенцевъ авторъ письма говоритъ:

Изъ писемъ ихъ видно, что они поселились на мѣстности неудобной, и первое неудобство то, что мѣстность та безводная. Это видно изъ того, что въ зимнее время имъ приходилось таять ледъ на питье себѣ и скотинѣ. Этотъ

Wäljarändamiset.

Ametlikus lehes „Talurahwa Teadaandja“ („Сельскій Вѣстникъ“), mida „Wälitsuse Teadaandja“ („Правительственный Вѣстникъ“) toimetus wälja annab ja ilma hinnata kõigile wallawalitsustele kätte saadab, oli 1896 aastal terve järg teatuşi talupoegade wäljarändamise kohta, kes Siberisse, Amuri jõe äärde ja teiste Weneriigi kaugemate kohtade pääle kroonu maale asuma läinud. Kõik need teatused näitawad, kui raske wäljarändajate eluford nende uutel eluasemetel on ja kui nad ennast oma lootustes petnud. Olgu meile seejuguuste teatuste näituseks järgmised wäljatõmbused „Talurahwa Teadaandja“ („Сельскій Вѣстникъ“) seletustest.

Kirjas, mida jääl 25 numbris leiame, on lugeda:

Mööda läinud 1894 aastal hakkasiwad meie talupojad Riigivalitsusele palweid ette panema, lubatagu neile Siberisse kroonu maade pääle wälja rännata. 1895 aastal andis Riigivalitsus jels wäljarändamijeks luba; aga see wäljarändamine tõi üffi hukatust. Aga mis põhjusel? Wäljarändajate eneste rumaluse ja mõistuse puuduse pärast. Mis ka asjatundjad mehed wäljarändamise wasta rääkisiwad, seda ei wõtnud nemad sugugi uskuda.

Nende wäljarändajate eluforraft kõneleb kirjafirjutaja:

Nende kirjadest jaab selgetks, et nad täitsa kõlbmata maale on asuma saanud — ja kõige esmalt on ta selle poolest kõlbmata, et tal wett ei ole. Seda näib juba sest, et nad talwe ajal jääd pidiwad sulatama, joogiks enestele ja loomadele. Selle jää

26,8
27 x 21 cm

1
4028

ледь брали изъ озера Иссыкъ-Куля, рѣкъ же тамъ вовсе нѣтъ. Пытались они рыть колодцы, но вода въ нихъ оказалась горько-соленая, такъ и бросили. Да и рыть ихъ невозможно, такъ какъ вода оказывается едва на глубинѣ 15 саженъ. Второе неудобство то, что лѣса нѣтъ.

Въ томъ же номерѣ „Сельскаго Вѣстника“ помѣщено слѣдующее письмо изъ г. Благовѣщенска отъ мѣщанина изъ крестьянъ Коноплева о переселенцахъ на Амурѣ:

Часто бывая по дѣламъ своимъ по всѣмъ шести волостямъ Амурскаго округа, я лично видѣлъ тамъ горькое положеніе крестьянъ-переселенцевъ и рѣшился написать обо всемъ видѣнномъ и напечатать въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, въ назиданіе и внушеніе крестьянамъ Европейской Россіи, чтобы они обдуманно рѣшились стремиться на Амуръ. Съ каждымъ годомъ къ намъ въ Амурскую область движутся тысячи крестьянъ-переселенцевъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, которые бросаютъ свою домашность и хозяйство и ѣдутъ сюда въ чаяніи нажитья въ нашемъ будто бы богатомъ краѣ. Но на самомъ дѣлѣ, по приѣздѣ на Амуръ, приходится забыть все свои мечтанія. Деньги, вырученныя ими отъ продажи имущества, растрачиваются еще дорогою, да и то лишь кое-какъ, съ помощью благотворителей и милостыни Христа ради, доходятъ они до своей цѣли въ Благовѣщенскъ. По приѣздѣ же въ Благовѣщенскъ съ убогими пожитками крестьяне-новоселы, бѣдствуя, уживаются съ семьями тутъ же на берегу Амура въ своихъ убогихъ кибиткахъ, а другіе просто подъ лодкою, и питаются подаеніемъ. Мѣстожителство имъ назначаетъ окружной начальникъ, которому они вручаютъ свои документы, и тогда разъѣзжаются по назначеннымъ имъ деревнямъ, съ правомъ пользоваться волостною льготою и избирать себѣ жителство въ любой деревнѣ шести волостей Амурскаго округа, съ надѣломъ земли на семью сто десятинъ. Въ настоящее время здѣсь въ Благовѣщенскѣ образовалось общество вспомошествованія бѣднымъ пересе-

лѣтсвад nemad Issit-Kulä järvest; jögesid ei ole jääl sugugi mitte. Nad katsufiwad enestele kaewufid kaewada, aga wesi neis oli kibe-soolane, nii et nad jelle köif järele jätsiwad. Ja ka kaewamine ise oli nii hästi kui wõimata, et waewalt 15 julla süga-wufes wett leida oli. Toiseks on see maa kõlbmata, et tal metja ei ole.

Sellesama „Talurahwa Teadaandja“ numbris on järgmine kiri BlagoweeschtschenSKI linnast, kus üks kodanik Konoplewi talupoegade seas neist kirjutab, kes Amuri jõeale wälja rändanud:

Sagedaste olin mina oma asjus kõigis kuues Amuri maakonna freisides ja nägin nüüd oma filmaga, kui kibe wäljarännanud talupoegade eluford on, ja wõtsin seepärast nõuaks, köif, mis ma näinud, üleskirjutada ja „Talurahwa Teadaandjas“ awaldada, et see Euroopa Wenemaa talupoegade filmad seletaks ja nii palju mõjaks, et nad enne järele mõtleksiwad, kui nad Amuri poole hakkawad kippuma. Sga aasta tulewad siia Amuri maa maakonda tuhanded wäljarännanud talupojad igalt poolt Wenemaalt; nad on oma kodu ja majapidamise maha jätnud ja tulewad nüüd siia ses lootuses, et rikkaks saada meie maal, mida nad rikkaks peawad. Aga tõe poolest peawad neil juba Amuri jõe äärde jõudes nende unistused unuma ja kaduma. Raha, mida nad müüdüd majakraami eest saanud, kulub tee pääl täieste ära, nii et nad üksi suure waewaga, ja feda ka üksi hääde inimeste abiga ja armuannete waral — wiimaks oma reisihibile, BlagoweeschtschenSKI linna saawad. Ja kui seesugused rändajad oma waeje waraga wiimaks BlagoweeschtschenSKI on saanud, siis elutsiwad nemad jääl, päris puuduses, Amuri kalbal oma wiletates onnides (kibitka), aga toised koguniste mõne lootiku all, ja elatawad enmast armuannetest. Eluaseme nimetab neile nüüd maakonna ülem kätte, kellele nemad omad paberid ette näitawad; ja siis lähewad nemad küladesse, mis neile määratud selle õigusega, et neid walla liikmeks arwatakse, ja nemad enesele elufohaks küla wõiwad walida, misjuguft nad Amuri kuue maakonna küladest enesele joowiwad; maad saawad nad iga perekonna pääle jada tessätini. Siis asus hiljuti BlagoweeschtschenSKI linna waeste wäljarändajate abifelts; ja jelle poolest antakse neile, kui

ленцамъ, а потому имъ выдается по прибытіи сюда на каждое семейство денежное пособіе, хотя очень небольшое; но прежде и этого не было.

Деревни, въ которыя разбѣзжаются переселенцы на жительство, состоятъ изъ новоселовъ же, большею частью бѣдныхъ, и таковыя деревни отстоятъ отъ Благовѣщенска довольно далеко, при весьма худыхъ путяхъ сообщенія. По прибытіи въ деревню, переселенцамъ предстоятъ впереди значительные расходы на устройство на первое время жилыхъ помѣщеній, а затѣмъ на приобретеніе земледѣльческихъ орудій, скота и проч.; а такъ какъ у нихъ не имѣется на это средствъ или есть самыя незначительныя, — все это на первое время является для нихъ непосильнымъ бременемъ, предъ которымъ они зачастую здѣсь падаютъ духомъ и опускаютъ руки.

Если новоселы доходятъ сюда осенью, то положеніе ихъ очень незавидное. Въ деревняхъ жительство они себѣ устрояютъ просто въ землянкахъ, куда на зиму и укрываются съ семьями, а самъ глава семейства нанимается въ работники къ старожилу, по 5, самое большее по 7 рублей въ мѣсяцъ, и тѣмъ только существуютъ; конечно и терпятъ во всемъ нужду — голодъ и холодъ. Въ это время переселенцы уже ясно видятъ, какъ обманчивы были всѣ ихъ надежды на амурскую жизнь.

При всемъ этомъ, и амурскій климатъ переселенцамъ кажется плохимъ, а именно: зима здѣсь часто ложится съ 1-го октября, и бываютъ суровые морозы, страшные бураны, вьюги и метели съ бурями по цѣлымъ недѣлямъ; а лѣтомъ тысячи тысячъ мошекъ, комаровъ, оводовъ и слѣпней; затѣмъ дожди иногда тоже по цѣлымъ недѣлямъ, отчего бываютъ частыя наводненія. *Всѣ эти стихійныя явленія препятствуютъ уборкѣ злаковъ и вообще работамъ въ полѣ.* Это не понравилось новоселамъ. Болѣе богатые переселенцы, скрѣпя сердце, терпѣливо переносятъ всякія невзгоды и неудобства и не такъ жалуются на новое амурское жительство, а бѣдняки просто плачутъ и клянутъ Амуръ и свое житье, и тѣхъ, кто ихъ манилъ сюда, и большею частью тоскуютъ по родной сторонкѣ. И многіе уходятъ обратно съ первыми пароходами изъ Амурской

над сѣя жöubнуд, ига perekonна пöäle raha abi, kui see ka koguni wäike on; enne ei olnud aga sedagi.

Külad, kuhu wäljarändajad elama lähewad, on asujate külad, kes enamiste waesed on; ja seesugused külad on Blagoweeschtsjenski linnast kaugel küllalt, kuna ka teed, mis sinna wiitwad, wiletjad on. Kui wäljarändajad külasse jõudnud, ootawad neid esmalt juured wäljaanded esimeste elumajade ehituse, siis põllutööriistade ja loomade muretssemise jaoks j. n. e., ja kui neil seks mitte wara ei ole ehk seda üffi wähesel mõedul, näib see neile sedamaid nii liialts koormaks, et nad selle ees enamiste julguse kautawad ja käsi ei suuda liigutada.

Kui wäljarändajad sügisel siia jõuawad, siis on nende eluford wäga kurb. Kõlades ehitawad nemad enesele mätastest hurtsitud eluasemeks, mille sisse nad ennast talweks oma perefondadega peidawad, perekonna wanem aga ise tingib ennast töömeheks ühe endise asuja juure, 5 ehk kõige kõrgemalt 7 rubla eest kuuks; ja sellega peawad nad ennast üffi hinges, kõige muu poolest aga kannatawad nad puudust — külma ja nälgagi. Nüüd näewad wäljarändajad juba wäga selgeste, kui petlikud kõik nende lootused Amuri õnne elu pöäle oliwad.

Pöäle selle on Amuri maa kliima ja ilm ka wäljarändajatele wastu meelt. Nimelt on tähendada: talw hakkab siin juba 1. Oktobriga, ja siis tulewad hirmsjad külmad, kolebad tormid, lumetuisjud ja saud tormiga nädalate wiisi, juwel aga waewawad inimest lugemata tuhanded põhjamaa kihulafi (мошка), jääski, parmujid ja muid loome; siis sadab sagedaste nädalate wiisi wihma, mis weeuputusi sünnitab. Kõik seesugused looduse sündmused takistawad wilja koristamist ja üleülbse põllutöösid. See kõik ei olnud asujate meele järele. Enam jõuukamad wäljarändajad teewad jõudame kõwaks ja kannatawad kannatlikult kõik puudusid ja hädad ja ei kaeba mitte nõnda uue Amuri maa elu üle, aga waesemad nutawad üffi ja wannuwad Amuri ja iseeneje elu ja neid, kes neid siia petjwad, ja mõtlewad üffi waluga oma kodu kohaseje poole. Ja paljud lähewad esimese aurulaewaga Amuri maa-

области. Ко всему этому, переселенцы по двореніи на жительство въ деревнѣ, отбываютъ въ обществѣ всѣ сельскія повинности натурою, а что касается земельного надѣла на семью въ сто десятинъ казенныхъ, то въ общей сложности это кажется много, но на самомъ дѣлѣ въ натурѣ это окажется иначе. Нужно принять во вниманіе то, что изъ ста десятинъ земли — удобной для хлѣбопашества не будетъ даже и 25 десятинъ, а остальное будетъ занято ложбинами съ кочками, топкими болотами, мокрыми падами со мхомъ (это здѣсь называется „тундра“) и хвойнымъ кустарникомъ.

Время посѣва хлѣбовъ здѣсь начинается обыкновенно весною, съ 23-го апрѣля при сухой погодѣ, а то позже, и кончается къ первому іюня. Сѣется главнымъ образомъ овесъ, пшеница, ярица, въ небольшомъ количествѣ гречиха, ячмень, изъ овощей въ большомъ количествѣ сѣется картофель. Обработка земли производится силами лошадей и быковъ. Земля здѣсь — мелкослойный черноземъ, дающій урожай только до 3-хъ лѣтъ, а послѣ того оставляется въ залежи, на которой впослѣдствіи долгое время не растетъ даже хорошая трава. Вообще земли здѣсь для разработки твердыя, почва иловато-глинистая, непроницаемая для воды, служитъ скопленію болотъ, гдѣ вода отъ застоя разлагается, отчего здѣсь въ крестьянскихъ селеніяхъ бываютъ частыя болѣзни. *Изъ всего этого видно, что здѣсь, на Амурѣ, не особенно завидное житье, пусть объ этомъ подумаютъ тѣ охотники до переселенія на Амурѣ, которые стремятся сюда какъ бы нарочно за тѣмъ, чтобы разориться въ конецъ и пойти по-миру.*

Въ № 14 „Сельскаго Вѣстника“ одинъ переселенецъ, изъ числа переселившихся въ Западную Сибирь еще сорокъ лѣтъ назадъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее:

Отъ насъ, изъ окольныхъ деревень, много народа переселилось не очень далеко, верстъ за 300, а иные и далѣе. — въ Акмолинскую область, на киргизскія мѣста. Таки у многихъ изъ нихъ, *не смотря на то, что по переселеніи*

konnaft jälle tagasi. Pääle selle tajuvad wäljarändajad, kui nad külasse elama asunud, kogukonnas kõik kohused teu ja wiljaga (натура); jälle juures näib jada teshätini kroonu maad perekonna pääle muidu küll suur maa olewat, aga teu poolest on see siin ometi tõisiti. Peame ju ka jeda meelde tuletama, et neist saajast teshätinist — põlluharimiseks ka 25gi teshätini mitte ei kõlba; kõik muu on laan wäikeste kün-gastega, sügawate mädafoobega, märgade sammalfoowäljadega, mida siin „tundra“ hüütakse, ja ohas-puu rägastifuga.

— Wiljakülwi aeg hakkab siin kewadel enamiste — kuwa ilma ajal 23 Aprilliga, aga ka hiljem, ja lõpeb 1 Juuniks. Kõige enam külwatakse siin kaera, nisu, tatrast ka wähe, ja odra; keeduwiljast tehakse kõigerohkem kartohwit. Maaharimine sünnib hobuste ja härgade jõuga. Maa siin — õhukesel koorega mustmaa, annab lõikust üksi kolmeni aastani, siis aga jäetakse ta jööbits, kelle pääl pääle selle ka hää rohigi enam ei kaswa. Üleüldse on maa siin harimiseks raske; põhi tal tihesawine, kust wesi läbi ei tungi, lasel jõosid sündida, kuhu wesi seisma jäädes ennaft kogub; sellest sünniwadki siin talupoegade külades sagedad haigusjed. Kõigest sellest saab selgeks, et siin Amuri maakonnas elu mitte otse meelitaw ei ole. Wõtku jeda kõik need meelde tuletada, kellel himu Amuri maakonda wälja rännata, kes siia tungiwad nagu meelega, et wiimaks hufatuse sisse langeba ja kerjama minna.

„Talurahwa Teadaandja“ 14 numbris kirjutab üks wäljarändaja, kes juba 40 aasta eest Lääne-Siberisse wälja rännanud, muu seas järgmisel wiisil:

Palju rahwast rändas meie juurest, ligidal olewaist küladest, wälja, mitte kaugele, nii 300 wersta pääle, aga mõned ka kaugeemale, Akmolinski maakonda, Kirgiislaste maale. Ja paljudel neist ei ole nüüd — ehk nad küll juba umbes 10

дѣлахъ *нельзя полагаться на одни слухи, похожіе большіе на сказку, чѣмъ на правду*, — нельзя полагаться потому, что переѣхать мѣсто жительства и хозяйства — дѣло нешуточное. У горожанъ есть пословица, что два раза переѣхать съ одной квартиры на другую — все равно, что погорѣть одинъ разъ, потому что при каждомъ переѣздѣ очень много домашнихъ вещей портится и пропадаетъ; для сельчанъ это не такъ страшно, потому что у нихъ домашнихъ вещей гораздо меньше; но перейти съ одного хозяйства на другое за тысячи верстъ, бросить все прежнее хозяйственное обзаведеніе, чтобы завести новое на далекомъ невѣдомомъ мѣстѣ, — это, пожалуй, хуже пожара, потому что отъ пожара хоть что-нибудь да останется, а тутъ рѣшительно все покидается, чтобы на новомъ мѣстѣ заводить все съизнова, словно человекъ умеръ и вновь родился для новой жизни. Какъ же рѣшаться на такое дѣло, не зная хорошенько, на что именно промѣняется старое мѣсто и привычное на немъ житье-бытье?

А переселенцы наши ничего этого не знаютъ. Даже грамотнымъ негдѣ вычитать вѣрныя свѣдѣнія о Сибири, потому что такія печатныя свѣдѣнія хотя и есть, но въ такихъ книгахъ, которыя не могутъ попасть въ руки простыхъ, малограмотныхъ читателей; а если бы и попали, то мало чему полезному могутъ ихъ научить, потому что были бы для нихъ непонятны. Только „Сельскій Вѣстникъ“ даетъ каждый годъ въ своемъ Календарѣ небольшія статейки о Сибири, но надо полагать, что ихъ больше читаютъ люди домовитые, которые не думаютъ о переселеніи. *До переселенцевъ же, почти сплошь безграмотныхъ, ничего не доходитъ, кромѣ слуховъ и сказокъ*; могли бы они узнать много вѣрнаго отъ людей образованныхъ, да только такимъ людямъ темные люди не вѣрятъ, во всемъ полагаясь на своихъ краснобаевъ, такихъ же темныхъ, какъ и они сами, только по большей части *хитрыхъ и плутоватыхъ, которымъ почему-нибудь выгодно морочить лежковѣрныхъ сельчанъ*. Но мы надѣемся, что между читателями „Сельскаго Вѣстника“ есть люди доброжелательные, которые, читая его статьи о Сибири, перескажутъ своимъ одно-

гид uskuda, mis enam muinasjutu, kui tõe farnasid on; ei wõi juba sellepärast uskuda, et elu- ja perepidamise kohta muuta, mitte naljaasi pole. Sinna rahwal on wana sõnaks: „kaks kord korterit wahetada, on niisama palju, kui üks kord ära põleda“, sest iga korteri wahetuse juures saab palju majariistu rikutud ja läheb kautsi. Talurahwal ei ole see nii hirmus, et neil palju wähem majakraami on; aga ühe majatallituse päält tõise pääl minna, mitme tuhande wersta taha, kõik endine majatallituse sisseseade ära wisata, et uut kangel ja wõeral tundmata kohas enesele muretseba — see on tõeste weel walusam kui tulekahju, sest tulekahjust jääb ometi weel midagi järele, aga uue koha pääl peab kõik uueste muretsetud saama, nagu oleks inimene surunud ja siis uueste sündinud, uue elu tarwis. Kuidas võib seesugust asja ette wõtta, enne kui sa ei tea, mida sa enesele oma wana koha ja harjunud eluviisi wasta sissewahetad?

Meie wäljarändajad ei tea sellest kõigest mitte midagi. Ka niisugused, kes ajalehti ja raamatuid loewad, ei saa kuskilt õigeid teadusi Siberimaa üle; sest kui ka niisuguseid trükituid teadusi olemas on, siis on nad ometi raamatutes, mis mitte liht rahwa kätte ei puutu, ja kui nad ka nende kätte puutuksiwad, siis wõiksid nad üksi wähe kasu tuua, sest et nad liht rahwale mitte arusaadawad ei ole. Üksi „Talurahwa Teadaandja“ („Сельскій Вѣстникъ“) toob iga aasta oma kalendris wähemaid kirjeldusi Siberi üle; aga siingi võib arvata, et neidki üksi jõuwad inimesed loewad, kes wäljarändamise pääle ei mõtlegi. Wäljarändajate kõrwa, kes enamiste kõik wähe lugeda mõistawad ja wähe loewad, ei ulata midagi, pääle kuulnud juttude; palju tött wõiksidwad nemad haritud inimeste käest kuulda, aga haritud seesugused pimeda nurga rahwas ei usu; nad panewad ennemine oma lootus luisakajate pääle, kes niisama pimedad on, kui nad ise, jelle juures aga kawalad ja meelega petised, kellele see kasulik on, kergeusulise talurahwast nokkida ja petta. Aga meie loodame, et „Talurahwa Teadaandja“ lugijate hulgas weel auusa tahtmisega mehi on, kes oma külarahwale jutustawad,

сельцамъ, что написано въ этихъ статьяхъ; по-этому въ настоящей статейкѣ мы объяснимъ вкратцѣ, какая такая страна есть Сибирь на самомъ дѣлѣ.

Въ деревняхъ больше всего толкуютъ о сибирскомъ привольѣ, — скажемъ и мы объ немъ прежде всего.

Въ Сибири дѣйствительно есть много приволья, потому что она очень велика: въ сибирскій планъ или карту можно уложить два съ половиной плана Европейской Россіи, т. е. Сибирь въ два съ половиной раза больше всей Европейской Россіи. Это можно видѣть на картѣ Россійской Имперіи, приложенной къ Календарю „Сельскаго Вѣстника“ 1892 года. Но дѣло въ томъ, что тамъ полное приволье только въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ человеку жить совсѣмъ нельзя, въ которыхъ живутъ только немногіе звери, а почему — это объяснимъ ниже. Во всѣхъ же мѣстахъ, гдѣ можно жить и заниматься хозяйствомъ, полного приволья уже нѣтъ, и съ каждымъ годомъ оно уменьшается, потому что ежегодно переселяются туда многія тысячи народа, занимая мѣста свободныя и удобныя. И чѣмъ лучше мѣста, тѣмъ больше на нихъ умножается народа, — а гдѣ народъ, тамъ является и тѣснота. Во многихъ мѣстахъ старожиламъ уже стало жить такъ тѣсно, что они сами уходятъ искать болѣе привольныхъ мѣстъ.

Сибирь дѣйствительно занимаетъ громадное пространство: полоса ея тянется въ длину на 8000 верстъ, а въ ширину имѣетъ 4000 верстъ, — между тѣмъ живетъ на ней всего-на-всего 6 милліоновъ человекъ съ небольшимъ, тогда какъ въ Европейской Россіи, которая въ два съ половиной раза меньше Сибири, живетъ народа почти въ двадцать разъ болѣе. Но это потому, что, какъ выше сказано, въ наибольшей части Сибири совсѣмъ жить нельзя по причинѣ страшнаго холода. На сѣверной сторонѣ Сибирь прилегаетъ къ Ледовитому океану, который называется Ледовитымъ потому, что на немъ стоятъ или плаваютъ вѣчныя льды, цѣлыя ледяныя горы, никогда не тающія. Отъ этихъ льдовъ вѣетъ вѣчный холодъ и на сѣверную, очень широкую полосу Сибири: ширину ея можно считать въ

mis nad jää Siberist on lugenud. Sellepärast feletame meie nüüd lühidalt, misjugune see Siberimaa tõeste on.

Sihtrahwa seas räägitakse kõige rohkem Siberi laialisest ja priist maast — kõnelem seft siis kõige esmalt.

Siberis on muudugi palju prii maad, sellepärast et tema wäga suur on: Siberimaa plaani ehk kaardi pääle wõib faks üks pool Euroopa Wenemaa plaani mahutada, see on: Siberimaa on 2½ korda suurem, kui terve Euroopa Wenemaa. Seda wõib Weneriigi kaardist näha, mis „Talurahwa Teadaandja“ kalendrile 1892 aastalt on juure pandud. Siiski on lugu nii, et täielikku prii maad üksi niijuguistes kohtades on, kus inimesel jugugi wõimalik ei ole elada, kus ainult mõned metselajad elutsuwad; ja mispärast — sellest all pool. Aga kõigis kohtades, kus elada ja maja pidada wõimalik, ei ole enam päris prii ruumi; ning seegi, mis weel on, wäheneb aast aastalt, et iga aasta mitmed tuhanded sinna elama asuwad ja wabad ja jündsad kohad ära wõtawad. Mida paremad kohad, seda rohkem kasvab nende pääl rahwa arv — aga kus palju rahwast, jää tuleb ka kitsikus. Mitmes kohas on endistelgi elanikkudel jää elu juba nii kitsaks läinud, et nemadki juba wabamaid kohte enesele käimad otsimas.

Siberimaa on tõeste määratu suur oma ruumi poolest: tema maapind on 8000 wersta pikk ja 4000 wersta lai, siiski elab jää üksi natuke rohkem kui 6 miljoni inimest, kuna Euroopa Wenemaal, mis 2½ korda wäiksem on kui Siberimaa, peaaegu 20 korda nii palju rahwast elab. See tuleb seft, et, nagu enne ütlesime, suuremas Siberimaa jaus elada ei wõi, et ta hirmus külm on. Põhja pool puutub Siberimaa Põhja Jäämerega kokku, mis Jäämereks sellepärast nimetatakse, et tema pääl igawesed jääpangad seisawad ehk ujuwad, termed jäämäed, mis ilmaški ära ei jula. Nende jäämurdude poolt puhub igawene külm ka põhjapoolse Siberi maawälja üle; selle maawälja laiuses wõib ¾ terve Siberimaa laiuses armata. Kõige selle põhjapoolse maawöö pääl on täieste wõimata maad harida, seft jää ei kasvata ükski wilja taim. Põllu

три четверти ширины всей сибирской полосы. На всей этой громадной сѣверной полосѣ совсѣмъ невозможно заниматься земледѣлемъ, потому что тамъ не могутъ расти никакія хозяйственныя растенія, а возможно оно только въ южной полосѣ, гораздо болѣе узкой (въ четверть ширины всей сибирской полосы). У кого есть выше-сказанная карта „Сельскаго Вѣстника“, тотъ можетъ по ней провести вдоль всей Сибири линію или границу между ея сѣвѣрною и южною полосами. Эта граница пройдетъ немного сѣвѣрнѣе городовъ Туринска, Тобольска, Тары, Томска, Красноярска, Верхоленска, черезъ сѣвѣрную часть озера Байкала, затѣмъ черезъ города Баргузинъ, Читу, немного южнѣе Нерчинска, немного сѣвѣрнѣе Благовѣщенска и далѣе на востокъ до океана (всѣ названные города обозначены на картѣ).

На широкой части сѣвѣрной полосы, прилегающей къ Ледовитому океану, можно сказать, царить вѣчная зима. Хотя тамъ и бываетъ лѣто, мѣстами даже довольно теплое, но столь короткое, что промерзлая земля не успѣваетъ вполне оттаять. Такъ напр. въ гор. Березовѣ успѣваетъ оттаять только верхній слой почвы, а на глубинѣ аршина и даже трехъ четвертей аршина — она вѣчно остается мерзлая. Потому даже деревья высокія тамъ не могутъ расти, ибо не могутъ пустить корни въ глубину почвы, а могутъ расти только невысокія, корявыя деревья и кустарники. Далѣе къ сѣверу и они пропадаютъ, а растутъ только мохъ, подъ которымъ лежитъ вѣчно-ледяная почва. Такое пространство называется тундрой. Здѣсь очень рѣдко живутъ кое-гдѣ инородцы самоѣды, тунгузы, чукчи, якуты, съ оленями, питающіеся только оленьимъ мясомъ и рыбой, а олени питаются мохомъ.

Къ югу, отъ этой мерзлой, тундровой полосы идетъ полоса лѣсная, съ болотами, которыя никогда не пересыхаютъ; отъ этого и здѣсь климатъ очень суровый, холодный, лѣтняго тепла бываетъ мало, и земледѣліе невозможно. Въ обѣихъ этихъ сѣвѣрныхъ полосахъ, и тундровой и лѣсной (такія лѣсныя мѣстности называются тайгой), могутъ промыслять только звѣроловы и рыболовы.

harimine on ainult lõunapoolses jaus võimalik, mis palju kitsam on (arvata $\frac{1}{4}$ terve Siberimaa laius-est). Kellel Siberimaa kaart käepärast on, see võib pifuti läbi terve Siberimaa ühe joone tõmmata, mis Põhja ja Lõunapoolse Siberi maavälja vahel piiriks on. See piir läheb natuke põhja poolt Turinski, Tobolski, Tara, Tomski, Krasnojarski, Wercholeniski linnasid, üle Baikali järve põhjapoolse jao, siis üle Barguzini ja Tschita linnade, wähe lõuna pool Nertschinskist, aga wähe põhja poolt Blagoweeschtschenskist, ja siis edasi hommiku poole, kuni mereni.

Põhjapoolse laia Siberi maavälja pääl walitseb, nti wõime küll ütelda, igawene talw. Ja kui ka säälgil sui on, ja mõnes kohas kaunis soegi sui, siis on ta ometi nii lühike, et ära külmanud maa ära suladagi ei saa. Mäitufeks jõuab Beresowil linnas üksi maapinna päälmine kord wähe sulada, aga arschina — ja ka $\frac{3}{4}$ arschina — sügawuses jääb ta igaweste külmanuks. Sellepärast ei wõi sääl ka suured puud kaswada, sest newad ei sua oma juuri sügawasse maa sisse saata, waid sääl kaswawad ainult wäikesed kiburad puukesed ja põesakesed. Weel põhja poole kaamad need põesadki ära, ja kaswab sääl ainult sammal, mille all igawene jää on. See-sugune igaweste läbi külmand joo nimetatakse — tundrats. Wäheses arwus elawad siin ja sääl mõned üksikud rahwakesed, nagu: Samojeedlased, Tunguuslased, Tschuktslased, Jakuutlased oma põhja põdradega, toidawad ennast põdra lihast ja kalast, kuna põdrad jamblast elawad.

Lõuna poole sellest külmanud soowööst on metsawöö foodega, mis ilmaški ära ei kuiwa. Sellepärast on ka kliima ja ilm siin wäga kare, külm; suwe soojust on wäga wähe, ja maaharimine wõimatu. Wõlemate nende maawööde pääl, tundrate ja metsade wööl (see-sugused metsamaad nimetatakse taigaks), wõiwad üksi metselajate ja kalade püüdjad waest wiisi elada.

Земледѣліе возможно только въ южной полосѣ Сибири; эту полосу можно считать пространствомъ примѣрно въ четвертую часть всей площади Сибири. Но и здѣсь климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи, потому что вся сибирская полоса имѣетъ наклонъ къ Ледовитому океану, почему и всѣ рѣки текутъ съ юга на сѣверъ въ этотъ океанъ (кромѣ рѣки Амура, въ восточной части Сибири). И холодъ съ этого океана доходитъ даже до южной полосы, охлаждаетъ лѣтнее тепло, приноситъ лѣтомъ морозы и заморозки, которые нерѣдко сильно вредятъ нѣжнымъ хозяйственнымъ растениямъ. Только въ южныхъ частяхъ южной полосы проходятъ мѣстами довольно высокія горы, которыя прикрываютъ долины и равнины отъ сѣверныхъ холодовъ, и потому здѣсь дѣйствительно есть благодатные уголки, гдѣ можетъ развиваться богатая растительность. Но это далеко не на всемъ пространствѣ этихъ южныхъ частей, гдѣ вообще условія природы крайне разнообразны, такъ что никакъ нельзя сказать, чтобы во всей южной полосѣ Сибири былъ одинаковый климатъ и одинаковыя удобства для хозяйства. Въ западной части южной полосы лежитъ обширное степное пространство, которое обнимаетъ южныя части губерній Тобольской и Томской и области Акмолинскую, Семипалатинскую и Семирѣченскую. Здѣсь лѣто бываетъ очень жаркое, а зима очень холодная, а главное — мало воды (много озеръ соленыхъ), мало бываетъ дождей и снѣга, почему въ большей части этой округи нельзя заниматься земледѣліемъ, а въ меньшей части можно имъ заниматься лишь мѣстами безъ искусственнаго орошенія, т. е. безъ проведенія воды на поля канавами. По этимъ причинамъ, здѣсь многія большія пространства представляютъ почти совсѣмъ мертвую пустыню; растутъ здѣсь по большей части только жесткая трава, которою кое-какъ кормится только привычный киргизскій скотъ, испоконъ вѣка тутъ живутъ только кочевые киргизы-скотоводы. Есть тутъ одна большая мѣстность, которая даже прямо называется голодною степью, потому что здѣсь дождей лѣтомъ совсѣмъ не бываетъ и ничего не растетъ.

Maad võib üksi lõunapoolset Siberi maaväljal harida. Seda maad on üksi üks weerand terwest Siberist. Aga ka siin on kliima palju karedam, kui Euroopa Wenemaal, sest terve Siberimaa on langus põhja poole, mispärast ka kõik siinsed jõed lõuna poolt põhja poole merde jooksevad (pääle Amuri jõe Ida-Siberimaal). Ja külm tungib Põhja Jäämerest kogu ni kuni lõuna mööni, jahutab suve soojuse, toob ka suvel halla ja külma, mis sagedaste hõrnale põllu miljale kahju teevad. Ainult lõuna maavöö kõige lõunapoolsetes jagudes, kus kõrged mäed orgusid ja lagendikuisid põhja külma eest varjavad, on maa lapifesi, kus taimed kasv lopjafaks võib saada. Aga see pole ammugi terwest lõunapoolset maajauks nii, kus üleüldse looduse tingimised väga mitmesugused on; sellepärast ei või mitte ütelda, et terwest Siberimaa lõunapoolsete jaoks ühesugune kliima ja ühesugused elutingimised oleksivad. Lõuna möö õhtupoolsete jaoks on määratu rohulaan, kelle piiridesse Tobolski ja Tomski kubermangu lõunapoolsete jaoks ja Akmo- linski, Semipalatsinski ja Semireetschenski maakonnad langewad. Siin on ju väga palaw, aga talw väga külm, aga mis pääasi — siin on wähe wett (järwed on siin soolased), wähe on siin wihma ja lund, mis- päraast see maajauks suuremalt jault põldu harida ei wõi; — üksi mõnes wäheses kohas on see võimalik ilma kunstliku niisutuseta, see on, ilma et kraawides wett põllu pääle jahitakse. Sellepärast on siin suured maatükid päris eluta kõrbes muutunud, kasvab siin ainult kõwa rohi, mis üksi harjunud kirgisi tungu elaja loomadele nalga võib kustutada. See- päraast asuwad siin ka wanast ajast jaadid rändajad Kirgiislasted. Niisama on siin ka suur maakoht, mida otseteel „Nälja laaneks“ nimetatakse, selle- päraast et siin suwel ilmaški wihma ei sada ja selle- päraast ka midagi ei kasvab.

Другой, восточный конец южной полосы Сибири — Уссурийский край — имѣетъ совсѣмъ инныя природныя условія. Тамъ климатъ чрезвычайно сырой, по причинѣ обильныхъ дождей и близости моря; климатъ такъ сыръ, что земля иногда не успѣваетъ просыхать, и *послѣдней хлѣбъ либо гнѣтъ на корню, либо на колосьяхъ появляются мельчайшіе ядовитые грибки или плѣсень*; мука изъ зеренъ такого хлѣба даетъ пищевой хлѣбъ, вредный для здоровья, потому что онъ одурманиваетъ, опьяняетъ чело­вѣка (подобно тому, какъ отъ хлѣба изъ зерна, зараженнаго спорыньей, бываетъ болѣзнь „злая корча“). Такой хлѣбъ уссурийскіе жители такъ и называютъ „пьянымъ хлѣбомъ“, и многіе къ нему не могутъ привыкнуть.

Про все это деревенскія сказки и хитрые или глупые сказочники ничего не рассказываютъ нашимъ переселенцамъ; они только знай-рассхваливаютъ сибирскіе края на всѣ лады, а никто даже не заикнется о томъ, что тамъ есть всячина — и хорошее, и худое, и *худою во многихъ мѣстахъ даже гораздо больше хорошаго*.

Не рассказываютъ они и про такіе случаи, какъ ниже приводимые, подобные которымъ нерѣдко бываютъ во многихъ мѣстностяхъ Сибири.

Въ 1883 году въ Курганскомъ округѣ, Тобольской губ., съ весны стояли страшные холода. Зима была суровая и безснѣжная, такъ что еще въ концѣ апрѣля снѣгъ оставался на мѣстахъ, гдѣ было больше тѣни. Въ природѣ совершалось любопытное явленіе: несомнѣнно начиналась весна, но земля была совершенно сухая, нигдѣ не было видно ручьевъ, ни весеннихъ лужъ. Снѣгъ незамѣтно пропалъ и испарился. Рѣка Тоболь въ половинѣ апрѣля была крѣпко скована льдомъ. Въ концѣ апрѣля солнце страшно жгло, и ледъ подъ горячими лучами быстро таялъ, но ночью наступали холода, и ледъ, повидимому, дѣлался еще крѣпче. Ждали, когда же ледъ будетъ ломаться, и не дождались, онъ до послѣдней минуты стоялъ нетронутой крѣпкой глыбой: такимъ его видали 27 апрѣля, — а на утро исчезъ. . . Съ начала мая уже начались жары, доходившія до 23 градусо­въ. Дождей не было; вѣтеръ дулъ южный, и зелень, листья

Юуне möö võine hommikupoolne ots — Ussuri maa — on hoopis tõistsuguste looduse tingimiste all. Sää­l on kliima väga niiske, üleliigsete vihmade ja mere ligiduse pärast. Kliima on siin nii märg, et maa sagedaste ei sua ära kuivada, ja külmatud wili mädaneb juure pääl ära, ehk wiljapääde pääl ilmuvad wäiksed kihwtised seenekesed ehk terade hallitus. Riisuguse wilja jahudest saab leiba, mis terwisele kõigiti kahjulik on, sellepärast, et tema inimese uimaseks ja nagu joobnuks teeb (nagu leiwafski, mis tingelpää teradest tehtud, haigus sünnib, mida Wene rahwas „kurjaks frambiks“ (zлая корча), Eesti rahwas „kõhelemise-haiguseks“ nimetab). See­sugust leiba nimetab ka Ussuri rahwas joobnud leiwaks, ja mitmed ei wõi temaga sugugi harjuda.

Kõigest sellest ei räägi küla jutud ja kawalad ehk rumalad etteluiskajad midagi meie wäljarändajatele. Nad kiidawad üksi Siberi maakoh­te igal wiisil, aga keegi neist ei ütle sõnagi sest, mis sää­l kõik on, kas hää ehk halb; ja halba on sää­l paljudes paikades palju enam kui hääd.

Nad ei jutusta ka midagi seesuguste juhtumiste üle, nagu see on, mida kõhe allpool teatame, ja mille jarnasid sagedaste mitmel pool Siberis ette tuleb.

1883 aastal oli Kurgani maakonnas, Tobolski kubermangus, fewadest saadik hirmus külm. Talw oli külm olnud ja wähe lumega, nii et weel Aprilli kuu lõpul lumi kohtabel seis­ma jäi, kus enam warju oli. Looduses oli huwitaw nähtus näha: kahklemate algas fewade, aga maa oli täieste kuiv, kuski ei olnud ojasid näha ega fewadise lompisid. Lumi kadus ja sulas nägemata ära. Toboli jõgi oli kesket Aprilli kuud jää all nagu rauas. Aprilli kuu lõpul põles päike hirmsaste, ja kuuma sära all sulas jää ruttu, aga ööse tuliwad külmad ja, nagu näis, läks jää weel kõwemaks. Dobati, millal jää hakkab murduma, aga ei jõutud seda ära oodata: ikka seis­is ta weel puutumata kõwa pangana; nõnda nähti teda weel 27 Aprillil — aga homiku pääle selle, siis ta kadus. Mai kuu alguses hakkas siis suur soe, kuumi 23 graadini. Wihma ei olnud; tuul puhus lõunest, orased ja lehed puhkesiwad puudulikult, rohi kaswas harwalt ja oli kuiv. Juuni kuu alguses põletas päike hirmsaste, õhk läks palawaks nagu ahjus;

плохо распускались, травы росли рѣдкія, сухія. Въ началѣ іюня солнце сильно палило, воздухъ раскалился, какъ въ печи; травы сгорѣли, а дождей все не было. Вѣтеръ дулъ съ юга. Весь іюнь былъ сплошнымъ мученіемъ для людей и скота и смертію для растительности. Въ тѣни тепло доходило до 29 град., а на солнце было 38; хлѣба сгорѣли. Въ сухомъ раскаленномъ воздухѣ носилась пыль отъ остатковъ посохшей растительности. Единственная зелень, не принявшая бурога цвѣта, были камыши по болотамъ; на нихъ накнулись люди, думая прокормить голодный скотъ. Но камышъ погубилъ скотину: твердые стволы изрубленнаго камыша протыкали ей кишки. Совершенно такія же весна и лѣто были и въ 1888 году: хлѣба, травы также совершенно сгорѣли, и былъ страшный неурожай и голодовка.

А въ Ишимскомъ округѣ, той же Тобольской губ., погода стояла совершенно противоположная. Съ апрѣля, когда только-что сходилъ снѣгъ, начались сильные дожди; снѣгъ и ледъ были разрушены не горячими солнечными лучами, а непрерывнымъ дождемъ. Май былъ несравненно лучше, много было красныхъ дней, солнце грѣло, сѣверный вѣтеръ прекратился. Деревья быстро распустились, трава густымъ зеленымъ ковромъ покрыла мокрую землю, хлѣба взошли великолѣпно. Но насталъ іюнь, вѣтеръ снова вдругъ подулъ сѣверный, опять поползли снѣговья облака, и полилъ ледяной дождь, поперебѣжку со снѣгомъ. Растительность развивалась очень пышно. Наступило время косы — косили подъ дождемъ въ зипунахъ; сѣно убрали мокрымъ, и оно, понятно, сгнило. Насталъ іюль, вѣтеръ былъ тотъ же сѣверный; 21 іюля съ утра пошелъ снѣгъ, къ полудню хлопья были такъ густы и падало его столько, что къ вечеру земля покрылась бѣлымъ саваномъ. На слѣдующій день снѣгъ растаялъ, но холодный дождь не прекращался. Хлѣба вытянулись въ дудку, были необыкновенно рослы, но стояли зеленые. Насталъ августъ, и хлѣба едва побурѣли. Въ концѣ августа начали ихъ убирать, но зерно было зеленое. Убирали до конца сентября; холодъ былъ такой страшный, что работали въ рукавицахъ и шубахъ. Скоро пошелъ

роhi põles ära ja vihma ei tulnud ikka. Tuul puhus lõunest. Terwe Juuni kuu oli päris piinaks inimestele ja loomadele ja surmaks taimede elule. Varjus tõusis jõe 29 kraadi pääle, päikse käes olivad 38 kraadi; wili põles kuiva käes ära. Kuiva kuuma õhu sees keerles tolm, mis ärakuivanud taimede jäätmetest oli sündinud. Haljas, ilma et ta kõrbenud nagu oleks näidanud, oli üfki roog soodes; nende kallale kippus nüüd rahwas, et sellega oma näljasid loome toita. Aga see roog tõi loomadele hulatuft: maharaiatud roo rootsud rikkusid nende soolikad. Täieste seesamafugune kewad ja sui oli ka 1888 aastal: wili ja rohi kõrbes täieste ära, hirmus wiljaitaldus ja nälja häda oli käes.

Aga Tschimski maakonnas, jäälamas Tobolski kubermangus, oli ilm täieste tõistjagune. Aprilli kuul, kui lumi oli ära läinud, hakkaswad hirmsad wihmasaud; lumi ja jää kadusiwad ära, mitte kuumaft päewa paistest, waid lõpmata wihmasadudest. Mai kuu oli palju parem, ilusaid päiwi oli mõnigi, päikse põles, põhja tuul lõppis ära. Juud läksiwad ruttu haljaks, rohi kattis kui tihe haljas waip märga maad, wili hakkas kauniste kaswama. Aga kui Juuni hakkas, puhus tuul jälle põhjast, jälle lehwisiwad lumepilwed ülewal, tuli jääst wihma lumega segi. Taimed kasusiwad väga heaste. Heina aeg tuli kätte — heina niideti wihmaga täies riides; siis wõeti ta märjalt üles ja läks nüüd muidugi huffa. Juuli kuu tuli kätte; tuul oli ikka weel põhjast; 21 Juulil hommiku tuli lund, keskpäewa ajal oliwad lume helbed nii tihedad ja sadas lund nii palju, et õhtuks maa kui walge linikuga kaetud oli. Tõisel päewal sulas lumi ära; aga külm wihm ei lõpnud mitte. Wili ldi putkele, oli väga juure kaswuga, aga ta jäi haljaks.

Augusti kuu tuli kätte, wili hakkas waewalt walmima. Augusti kuu lõpul hakati teda lõikama, aga tera oli weel haljas. Lõigati kunni Septembri kuu lõpuni; külm oli nii kange, et kinnastes ja kasutates tööd pidi tehtama. Pea tuli lund, wihmaga segi, ja kõik puistati lumest täis; kofku pandud ja kuimatatud wili ei kõlwanud kuhugi.

снѣгъ, перемежавшійся съ дождемъ, и все засыпало снѣгомъ; хлѣбъ собранный и высушенный былъ никуда не годенъ.

Далѣе въ статьѣ „Правда о переселеніи“ упоминается и о письмахъ, получаемыхъ изъ Сибири отъ поселившихся тамъ ранѣе. Объ этихъ письмахъ говорится:

Не слѣдуетъ полагаться на письма поселившихся въ Сибири своихъ земляковъ и родныхъ, если они переселились туда недавно; даже когда посылаются ходоки для осмотра новыхъ мѣстъ, то и имъ не слѣдуетъ вѣрить, если они, воротившись, будутъ рассказывать только о томъ, что видѣли своими глазами. Въ какомъ-нибудь Сибирскомъ краѣ мало пожить годъ, даже два, чтобы сказать навѣрно, хорошо здѣсь или нѣтъ: годъ-другой могутъ пройти благополучно, могутъ быть хорошіе урожаи, — а на третій вдругъ стрясется такая невзгода (въ родѣ какъ показано выше въ двухъ примѣрахъ), что радъ будешь убѣжать, куда глаза глядятъ. И ходоки, особенно если побываютъ въ Сибири весной, и притомъ короткое время, могутъ остаться вполне довольны видѣнными новыми мѣстами и, воротившись домой, могутъ рассказывать, захлебываясь отъ радости, что они видѣли по-истинѣ рай земной: земли кругомъ видимо-невидимо, вся она покрыта зеленой травой и цвѣтами, что бархатнымъ ковромъ разукрашеннымъ; въ озерахъ и рѣчкахъ воды въ изобиліи; есть и лѣсъ порядочный недалеко; а населеніе совсѣмъ рѣдкое — деревня отъ деревни верстъ 20; — значитъ, кругомъ полное приволье. . . . И все это дѣйствительно правда: все это они видѣли своими глазами, когда были на какомъ-нибудь мѣстѣ напр. въ апрѣлѣ или маѣ и пробыли тамъ лишь нѣсколько недѣль. Но если бы они остались тамъ еще съ мѣсяцъ, то можетъ быть увидѣли бы совсѣмъ другое, на примѣръ вотъ что: наступила жара, а дождииковъ нѣтъ, и засуха высушила и траву, и хлѣбъ, и хрустальные озера, и небольшія рѣчки; для скота не стало ни пищи, ни питья, да и людямъ зимой ничего будетъ ѣсть, если про такой случай

Pääle selle tuletakse püütüis „Sulatõde wäljarändamisest“ kirja meelde, mida Siberisise wäljarändajate poolt juba ennemalt saadud. Neist kirjast öeldakse:

Suguwendade ja sugulaste kirjade pääle ei wõi ennast toetada, kui nad hiljuti Siberisise wälja rändasiwad; ka siis, kui sinna kuulajaid saadetakse uusi maakohte kuulama, ei wõi neid uskuda, kui nad tagasi tulewad ja ka jutustawad, mis nad oma filmaga nägawad. Et ütelda, kas kusil Siberis hää ehk jant on, jeks on säääl elada üks aasta wähe; ka faks on wähe: tõijel aastal wõib lugu hää olla, wõib hää lõikus olla — aga kolmandal wõib seejune õnnetus tulla (nagu ülewajed faks näitust seda näitawad), et ja ära jookseküid, kuhu aga jalad kannawad. Ka maakuulajad wõiwad, nimelt kui nad kewadel Siberisise tuliwad ja siia lühikejeks ajaks jäiwad, üsna rahul olla sellega, mis nad uutel kohtadel nägawad; nad wõiwad koju jõudes jutustada, kuna süda rõõmu pärast hüppab, et nad maapäälse paradiisi nägawad: maa, nii kaugel kui film ulatab, kõik kaetud halja rohuga ja lillebega, ja kaunistatud nagu sametist waipaga; järwebes ja jõgedes wett küllalt; ka korraline mets pole kaugel; aga rahwast on harwa — küla külast nii 20 wersta umbes; — see tähendab: elu on kõigiti waba ja lõbus. . . . Ja see kõik on tõde: seda kõik nägawad nemad oma filmaga, kui nad kusil oliwad Aprilli ehk Mai kuul ja säääl üksi mõned nädalad wiibisiwad. Aga kui nad sinna weel ehk ühe kuu oleksiwad jäänud, siis oleksiwad nemad wististe üsna tõise pildi wõinud näha; näituseks järgmise: pöud tuli kätte ja wihma ei olnud, ja kuiw kuiwatas rohu ja wilja, kristalliselged järwed ja wäikjed ojaesjed; loomadel pole enam ei toiduist ega jooki; ka inimestel pole enam talwel midagi süüa, kui peremehed seejugejeks korraks mitte hää tagawara pole korjanud. Kui maakuulajad seda kõik oleksiwad näinud, siis oleksiwad nemad koju tulles tõist juttu ajanud. . . . Sellest õpime: täieste wõib üksi neid uskuda, kes kusil Siberimaal 5, ehk weel parem — 10 aastat elasiwad; üksi need inimesjed wõiwad ütelda,

хозяева не сдѣлали хорошихъ запасовъ. . . .
 Ежели бы ходоки все это повидали, то, воротившись домой, они бы заговорили другія рѣчи. Значить, вполне можно вѣрить только тѣмъ, кто прожилъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ Сибири годовъ пять, а еще лучше — десятокъ; только такой человѣкъ можетъ сказать, что онъ точно знаетъ климатъ и другія условія сибирской природы.

Въ этой же статьѣ вотъ что сообщается объ особенностяхъ сибирскаго климата:

Въ прошломъ году одинъ путешественникъ проѣзжалъ весной по Сибирской желѣзной дорогѣ на Алтай, а потомъ, мѣсяца черезъ два, возвращался по той же дорогѣ назадъ, и вотъ что онъ рассказываетъ въ описаніи своего путешествія по Тобольской и Томской губерніямъ. Когда онъ ѣхалъ первый разъ, то не могъ налюбоваться изъ оконъ вагона на богатую природу и на красивыя картины, которыя раскидывались по обѣимъ сторонамъ дороги: сколько можно было видѣть глазомъ въ даль, вездѣ тянулась роскошная равнина, покрытая пышнымъ зеленымъ ковромъ сочной травы; по этому коври раскинулись тамъ и сямъ красивыя березовыя рощицы и лѣсочки и свѣтились озера, какъ зеркальца. . . . Экія благодатныя, привольныя мѣста! думалъ онъ: — только отчего же на нихъ не видно ни пашни, ни селеній, а лишь кое-гдѣ очень рѣдко виднѣются киргизскія кибитки или скачуть по степи верховой киргизъ? А сколько бы тутъ русскаго народа могло поселиться и зажить въ полномъ довольствѣ! . . . Такъ ему думалось, пока не пришлось ѣхать назадъ середь лѣта. Проѣзжалъ онъ по прежнимъ мѣстамъ — и глазамъ своимъ не вѣрилъ: куда же дѣвалась прежняя красота — степные ковры роскошной зеленой травы, зеркальныя озера, веселія, тѣнистыя рощицы? — Все было точно покрыто какимъ-то желтымъ, сѣрымъ или чернымъ покрываломъ, надъ которымъ только пыль стояла въ воздухѣ; лишь кое-гдѣ виднѣлись какія-то зеленыя пятна, а на мѣстѣ рощицъ и лѣсочковъ торчали какіе-то несчастные прутья, точно кипяткомъ ошпаренные; и киргизовъ даже вовсе не было видно. . . . Тутъ знающіе люди объяс-

етъ немалъ тѣмъ, что въ Сибири и въ Тибетѣ климатъ такой, что въ зимы и весны земля покрывается слоемъ пыли, которая въ вѣтеръ поднимается и летитъ въ воздухѣ, образуя туманы и пыль.

Сѣшамас пѣатүтис анатсе та теадуси Сибири клима ефт ilma исеаралдустест.

Minewal aastal reisis üks reisija kowadel Siberi raudteed mööda Altai poole ja siis tuli tema kase kuu pärast sēšama teed jälle tagasi — ja siin see on, mis tema omas reisikirjas reisiist Tobolski ja Tomski kubermangus jutustab. Kui tema esimest korda reisis, siis ei jõudnud tema raudtee wagoni afnast küllalt wälja waadata rikka looduse ja nende ilusate piltide pääle, mis talle mõlemal pool teed filma ette astusiwad: nii kaugele, kui film ulatas, igal pool lautas ennast imeilus wäli wälja, kaetud wärske rohu kasuwa halja orafega; selle kõrwal nähti weel siin ja jääl ilusaid kase wõesikuid ja metsakesi ja paisusiwad järwed nagu peeglid. . . . Misjuguised õnnelised kasuwad kohad! mõtles tema: aga mis pärast ei nähta siin ei põbusid ega külasid? Üksi siin ja jääl näha kase wäga harwa Kirgiislaste õnnisid eht ratsutab mõni Kirgiisi mees üle rohtlaane. Kui palju wõiks siia Wenemaa rahwast asutuda ja wõiks ta siin täies külluses elada! . . . Nii mõtles ta, kui ta siis weel kefsuwe ajal ei olnud tagasi sõitnud. Endist teed kaudu sõitis ta nüüd tagasi, ja ta ei tahtnud oma filmi uskuda: kuhu oli endine ilu jäänud — rohtlaane wäljad oma kasuwa halja orafega, peeglisjuguised järwed, röömsad warjukad wõsitud? See kõik oli kaetud kollase, halli eht musta kattega, mille üle üksi tolm õhus lehwis; üksi siin ja jääl oliwad mõned haljad lapikesed näha, aga wõsifute ja metsakese ajemel oli siin ja jääl mõni õnnetu roog, naga kuuma weega ära põletatud; ja Kirgiislasti ei olnud üleüldse mitte näha. . . . Sääle seletasiwad siis asjatundjad reisijale, et kowadest saadist mitte ühte wihma ei tulnud, küll aga hirmus põud — ja kõik haljas taimelu kõrbes ära; üksi need haljad lapikesed jäiwad järele — see on roog nende kohtade pääl, kus järwed oliwad; ja Kirgiislaste

нили путешественнику, что съ весны не было ни одного дождика, ударила страшная жара — и все зеленое спалила; только остались вот эти зеленныя пятна — это камыши на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были озерки; и киргизы ушли въ другія мѣста, гдѣ надѣялись найти кормъ для своихъ лошадиныхъ табуновъ... Такъ вотъ, если бы по этимъ мѣстамъ проѣхалъ весной незнающій человекъ и, вскорѣ воротившись домой, сталъ бы расхваливать землякамъ эти самыя мѣста, то онъ говорилъ бы какъ будто и правду, и можетъ быть не одинъ слушатель заохотился бы перебраться туда, — и нашелъ бы тамъ только неминуемое горе, а можетъ быть и погибель.

Тому, что пишется въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, изданіи официальномъ, нужно вѣрить безъ всякаго сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что все написанное въ немъ о переселеніи находитъ себѣ подтвержденіе и во всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря Куломзина, едѣланномъ послѣ поѣздки въ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла. Весьма подробный докладъ этотъ составляетъ болѣе четырехъ-сотъ печатныхъ страницъ; но для настоящей статьи достаточно привести изъ него, именно изъ заключительной части, слѣдующія мѣста:

Устроиться въ Сибири годъ отъ года становится труднѣе. Теперь здѣсь уже мало земель, которыми изобиловала ранѣе Тобольская губернія и занятіе которыхъ не представляло для переселенцевъ особыхъ трудностей. Прежде переселенческіе участки заключали въ себѣ много пространства, бывшихъ въ культурѣ, такъ называемыхъ „мягкихъ земель“; распашка ихъ была вполне подъ силу переселенцамъ. Теперь въ подобныхъ условіяхъ участковъ почти нѣтъ. Вездѣ преобладаютъ либо площади лѣсного характера, которыя надо чистить, корчевать и такимъ путемъ разрабатывать подъ пашню, или же хотя и открытыя, но никогда не пахавшіяся цѣлины, для поднятія которыхъ нужны 2—3 хорошихъ лошади, иногда же 5—6

läkšiwad mujale, kus nad toitu oma hobustekarjadele lootiwad leida... Nõnda wõiks siis üks tundmata inimene, kui ta kewade neid maid mööda käiks ja kohe tagasi tuleks, neidsama maid oma fugurawale kiitma hakata, nagu kõneleks ta täieste tött; ja mõnigi kuulja wõiks himu saada sinna wälja rännata, — aga ta leiaks jäält üksi äraarwamata jüdame walu, ehk ka koguniste hukatust ja jurma eest.

Kõik seda, mida „Talurahwa Teadaandja“, see ametlik leht, kirjutab, peame ilma kahklemata uskuma, seda enam, et kõik, mis jääl wäljarändamisest seletatakse, kõigealandsikumas aruandes kinnituse saab, mille riigi sekretär Kolomšin siis seannud, pääle selle, kui tema Siberis wäljarändamise asjakorraga ennaft tutwustanud. See kõigiti põhjaline aruanne täidab enam kui neljajada trükitud lehekülge; aga meile saab seft küll olema, kui temast, nimelt ta lõpupoolest, järgmised kohad üles wõtame:

Siberisje elama ajuda saab aast' aastalt ifka raskemaks. Nüüd on siin juba wähe maad, mille poolest enne Tobolski kubermang rikas oli ja mille harimise alla wõtmine asujale mitte iseäralikku raskest ei teinud. Enne oliwad asumaade piirid laiad, mis harimise all oliwad ja mida „pehmetks maaks“ nimetati; nende künni alla wõtmine oli täieste asujate jõuu all. Praegu ei leia seesuguste tingimiste all maad peaaega sugugi. Igal pool on maawäljad kas metsmaa sugused, keda puhastada ja juurida tuleb ja nii künni alla wõtta, ehk ka lahtised maad, aga iial ei ole nad küntud põllud, kelle üleswõtmiseks 2—3 hääd hobust tarwis on, mõnikord ka 5—6 paari härgi. Endised asumaa jaud oliwad seft wanu harituid maid wälja lautatud, ja sellepärast oliwad wäljarändajad ifka inimeste ligi, mis, kui ka mitte liig suureks, siis ometi ifka üheks abiks

паръ воловъ. Прежніе участки были разбросаны среди старожильческихъ земель, и потому переселенцы всегда находили въ непосредственной близости, конечно, не даровой, но надежный пріютъ до возможности устройства на новыхъ мѣстахъ. Нынѣшніе участки, въ общемъ, значительно удалены отъ старожильческихъ селеній и, слѣдовательно, отъ какихъ-либо заработковъ, а свободныя земли Акмолинской области — тѣ прямо на громадныя разстоянія отстоятъ отъ какого бы то ни было человѣческаго жилья. Наконецъ, что весьма важно, большинство новыхъ земель, въ отношеніи снабженія хлѣбомъ, находится въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ ближайшія къ желѣзной дорогѣ округи западной Сибири, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивалось за послѣдніе годы переселеніе на казенныя участки. Въ упомянутыхъ округахъ за послѣдніе годы стояли чрезвычайно низкія цѣны на хлѣбъ, весьма благоприятствовавшія новымъ переселенцамъ; по мѣрѣ же удаленія отъ запада къ востоку хлѣбныя цѣны, какъ было указано выше, возрастаютъ и, соотвѣтственно этому, повышаются цѣны на лошадей, коровъ и прочіе необходимые предметы крестьянскаго хозяйства.

Такимъ образомъ нельзя не признать настоящія, а тѣмъ болѣе будущія расходы переселенца по разработкѣ земли и домоустройству весьма значительными.

По наблюденію статсъ-секретаря Куломзина:

Недостатокъ наличнаго запаса земель для удовлетворенія въ 1897 и ближайшихъ годахъ всѣхъ желающихъ водвориться на новыхъ мѣстахъ — представляется очевиднымъ; съ другой стороны, естественныя условія новыхъ участковъ, съ незначительнымъ, въ общемъ выводѣ, количествомъ мягкихъ земель, дѣлаютъ занятіе и разработку ихъ дѣломъ нелегкимъ, требующимъ немалой затраты труда и капитала и доступнымъ не всякому.

oli, fenni kui nad uute maade pääl wõiswad asuma hakata. Praegused maajaud on üleüldse wanematest asutustest väga kaugel ja sellepärast on kõik rahateenimine võimata; aga priid maad Akmolinski maakonnas — need on otseteel äräütlemata kaugel kõigest inimlikust eluasemest. Sa wiimaks, mis väga tähtis on, on suur jagu uutest maadest, et neile leiba muretšada, täieste tõiste tingimiste all, kui Lääne-Siberi maakonnad, mis raudteele lähemad on, kuhu wiimaste aastate sees wäljarändajad froomu maadele ennast koguda püüdsiwad. Nimetatud moaafndabes oliwad wiimaste aastate sees väga madalad leiwa hinnad, mis uuele asujale meele järele saab olema; mida enam meie aga läänest homiku poole jõuame, tõusewad wilja hinnad, nagu enne näidati — ja sellega ühes tõusewad ka hinnad hobuste, lehmade ja muude tarwilikkude asjade eest, mida talupoja majatallitus tarwitab.

Sellepärast peab tunnistatama: wäljarändaja praegused ja weel enam tema tulewad kulud maaharimise ja majatallituse jässejadmise eest saawad väga suurend olema.

Министретари Колосини тәһелепанемисе јәреле:

Saab päewajelgeks, et äraantawat üleliigset maad nende jaoks enam ei ole, kes 1897 aastal ehk aastatel pääle selle uute kohtade pääle tahaksiwad asuma minna; tõiselt poolt teewad uute maajagude loomulikud tingimised, kuna ka pehmet maad üleüldise asumaa keskkel liig wähe on, selle sulaks tegemise ja harimise küllalt raskest, nad nõuawad suurt waewanagemist ja suurt kapitali, ja pole nõnda need maad mitte igale ühele kätte saadawad.

